

ГЛАВНЫЙ ЗАВЕТ АЛЕКСЕЯ КУШНИРА

Александр Лобок,

кандидат философских наук, доктор психологических наук

Мы всегда не успеваем. Мы всегда трагически не успеваем. Не успеваем сказать. Открыть. Открыться.

И вдруг — оказывается, уже поздно.

И в сердце уже не слова, а боль и пустота. И непонимание: как оказалось возможно то, что никак не было представимо?

Это был страшный год. Близкие, любимые, единственные уходили один за другим. Значимые. Опорные. Незаменимые.

В какой-то момент я не выдержал и написал:

*Идёт череда смертей.
Из памяти даты стёрты.
А жизнь нужна, чтобы терпеть.
И в нас терпенья до чёрта.
До той, безвестной черты,
которой сам чёрт не знает.
И лишь любимых черты
навстречу нам проступают.
Мы будем живы — бог весть.
Одна надежда — на Бога.
Что Он — уже где-то здесь.
Но чуть заплутал по дороге.*

И вдруг — новая, страшная, ошеломительная весть.

И — шок, потрясение, невозможность поверить.

Кто угодно, но только не Алексей с его неисчерпаемой внутренней мощью и неиссякаемым оптимизмом. Умевший держать удары, как никто. Он казался незыблемой скалой в штормовом океане всяческого бреда. И одновременно штурманом манёвренного пиратского корабля, готового брать на бордаж самые крупнотоннажные дредноуты педагогической схоластики. И, в общем, неважно, в чём он был прав, а в чём ошибался. И в прозрениях, и в заблуждениях он был предельно, безапелляционно (хотя любил и умел спорить) и бескомпромиссно искренен. И это ошеломляло. В мире образовательной гимнастики, где соревнования по техническому прогибу являются главным олимпийским видом

Прения по докладу. Макаренковский форум. А.М. Лобок и А.М. Кушнир.

спорта, Алексей умудрялся не прогибаться ни перед кем и никогда.

Конечно, он был романтик. В самом высоком и чистом смысле этого слова. Романтик любви. Романтик семьи. Романтик педагогики. Истово верил в то, что образование может и должно быть народным. А народ может и должен быть по-настоящему (а не для галочки, не формально) образованным. И что главный путь настоящего образования — это не бесконечный тупик схоластического трендѐжа, а путь живого производства, производящего не всякого рода дешѐвую халтуру, а общественно значимый продукт. И что только тогда мы сможем уйти от извечной школьной фальши, когда главным измерителем образования станет общественно значимое дело.

В Алексее было что-то от Атланта. И дело, конечно, не во внешней физической его мощи

КАКИМ ОН БЫЛ

и казавшейся неукротимой энергии. Было чувство, что он на самом деле держит на своих плечах какую-то невероятно важную часть педагогического небытия — чтобы небо не рухнуло, а земля не захлебнулась в пустопорожних склонах. Великая и непреложная истина: человек есть тогда, когда он не просто адаптируется к миру (и в том числе к мировой мерзости), а когда он оказывается способным производить. Производить что-то важное и значимое для других. Романтизм? Да. Но ведь только такой романтизм по-настоящему спасителен. Только он позволяет удержаться на краю. Мы есть тогда, когда мы больше самих себя. Мы есть тогда, когда производим на свет — себя, мир, культуру. И когда безусловно значимы друг для друга в процессе этого взаимного производства. И для меня это его главный завет. **НО**